

© 2003 г.

В. Л. ИНОЗЕМЦЕВ

ИММИГРАЦИЯ: НОВАЯ ПРОБЛЕМА НОВОГО СТОЛЕТИЯ

(Историко-социологический очерк)

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович - доктор экономических наук, научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, заместитель главного редактора журнала "Свободная мысль".

Всю историю человечества без особых натяжек можно рассматривать с точки зрения непрерывной миграции племен и народов. В одни эпохи миграция была не очень значимым, зато в другие - важнейшим фактором развития цивилизации. Исторический анализ позволяет выделить два типа миграционных процессов.

С одной стороны, миграция всегда оказывалась следствием *внешней экспансии зрелых социальных систем* с устойчивой структурой и сложившимся комплексом социальных связей и отношений. Масштабы этого типа миграции на протяжении столетий росли: экспансия Египта в Переднюю Азию; Ассирии, а затем и Персии в Финикию, Закавказье, Малую Азию и далее в Грецию; ответное вторжение эллинов и македонцев в Азию и Северную Африку; становление Римской империи и масштабная миграция латинян в ее периферийные районы; выплеснувшиеся из своих границ армии арабов, остановленные лишь в Южной Франции; и, наконец, начавшаяся в XV-XVI вв. колонизация европейцами Америки, Австралии и отдельных районов Азии.

С другой стороны, нередко миграцию порождала и *хаотическая эволюция кочевых племен и народностей*, социальные структуры и политическая система которых находились в стадии зарождения. С развитием более совершенных политических форм значение миграционных потоков этого типа постепенно снижается: если в древнем мире покорение Египта гиксосами или неоднократные волны миграции, прокатывавшиеся по Индийскому субконтиненту, не говоря уже о постоянных вторжениях кочевников в Китай, - вполне обычные явления, то "великое переселение народов" и монгольское нашествие стали практически последними примерами движений подобного рода в границах Евразии. В отличие от процессов первого типа, они не сопровождалась распространением и укреплением новых социальных порядков. Переселенцы или захватчики, даже приносящие с собой некоторые традиции, теряли связь с прежней родиной и, как правило, ассимилировались коренным населением.

Между тем, на протяжении XIX и XX вв. формы миграционных процессов претерпевали масштабную, если не сказать беспрецедентную, модификацию. Становление новых типов совпало (отнюдь не случайно) с периодом формирования в Европе гражданского общества и национального государства, которое правильнее было бы называть нацией-государством. Определелись границы отдельных стран, утвердились принципы гражданства и личной свободы; вслед за этим и появились сами понятия эмиграции и иммиграции, столь хорошо известные нам сегодня.

К концу эпохи религиозных войн, вызвавших в Европе опустошение, сравнимое лишь с последствиями эпидемии чумы XIV в. [1, р. 175-176], миграция превратилась из спорадического передвижения людей в поисках сезонной работы или бегства от войн и религиозных преследований в устойчивый и постоянный процесс. Многие европейские правительства в XVII-XVIII вв. приветствовали иммиграцию и даже стремились

предоставить иммигрантам некоторые привилегии, хотя и не всегда могли защитить их от вспышек насилия. Однако большинство мигрантов не покидало пределов Европы. Освоение первых колоний в Америке и Азии было делом государства. Европейцы в этих регионах в основном были заняты военными операциями против коренного населения или обеспечением товарооборота между Старым и Новым Светом [2, р. 32-34]. Как отмечают историки, "на протяжении долгих трех столетий после открытия американских колоний туда направлялись лишь немногочисленные поселенцы" [3, р. 254]. Потребность в рабочей силе удовлетворялась за счет африканцев: если в XVI в. в Америку было доставлено около 900 тыс. невольников, то в XVII - 3,75 млн., а в XVIII - около 8 млн. [4, р. 377-378]. Не вызывает сомнений достаточно тесная связь между запретом работорговли в 1815 г. и последовавшим притоком европейских иммигрантов в американские колонии.

Первые значительные переселения европейцев в Северную Америку были вызваны религиозными и политическими гонениями в Европе: сначала во Франции, где в 1675 г. Людовик XIV отменил Нантский эдикт 1592 г., а затем в Шотландии и Ирландии, где обострились противоречия между коренным населением и англичанами [5, р. 21-23]. Однако к началу XIX в. "иммигранты чаще всего руководствовались экономическими мотивами, а закономерности развития рынка труда гораздо лучше объясняли динамику иммиграции, нежели проблемы, обусловленные войнами или политическими конфликтами" [6, р. 194]. Проведенные экономистами и историками расчеты показывают, что к середине XIX столетия величина средней заработной платы в большинстве стран Европы составляла от 35 до 55% тех доходов, на которые переселенцы могли надеяться в США [7, р. 124-127]. Разумеется, многих привлекали и политические принципы американского общества, утверждавшие идеи свободы и равенства. Несмотря на то, что основатели Соединенных Штатов не стремились к росту численности переселенцев (Дж. Вашингтон отмечал в своих письмах: "Я не расположен приглашать иммигрантов; хотя у нас и нет никаких законодательных актов, препятствующих их прибытию, я целиком и полностью выступаю против этого" [8, р. 48]), все новые и новые тысячи европейцев прибывали за океан. Характерно, что подавляющее большинство из них (не менее 85%) обосновывалось в северных штатах, и лишь немногие селились на юге, где процветало рабовладение. К середине XIX в. европейская иммиграция в США - самый масштабный из известных Новому времени миграционных процессов - стала одной из определяющих примет времени.

Масштабы эмиграции из Европы на протяжении второй половины XIX - первой трети XX вв. трудно определить с достаточной точностью. Обычно исследователи начинают свои расчеты с середины 40-х годов XIX столетия, когда в большинстве европейских стран был установлен учет эмигрантов. Согласно различным данным, с 1846 по 1924 г. только крупнейшие государства Европы - Великобританию, Италию, Австро-Венгрию, Германию, Португалию, Испанию и Швецию - в поисках лучшей доли покинули, по меньшей мере, 43 млн. человек, более 75% из них перебрались в Соединенные Штаты [9, table 8, р. 30; table 9, р. 43]. Демографические потери Швеции за данный период оцениваются в 22%, а Великобритании - в 41% населения [10, р. 13]. В целом европейский континент покинуло с 1846 по 1939 г. не менее 60 млн. человек, из которых 2/3 осели в США [11, р. 67]. Катастрофический отток населения из европейских стран можно, на наш взгляд, рассматривать в качестве одной из причин последовавшего в XX в. экономического отставания Европы от Соединенных Штатов [12, с. 14-15].

В США иммиграция породила бурный хозяйственный рост. К середине XIX столетия образовались большие сообщества ирландцев, шотландцев, французов, немцев, итальянцев, испанцев и даже скандинавов, в глазах которых "Америка, при сравнении с собственной страной, выглядела замечательно, [вследствие чего] всякий иммигрант, принявший решение стать американцем, очень быстро преисполнялся чувством патриотизма" [13, р. 103]. Логично предположить, что приток новых граждан не должен был бы нарушать сложившейся культурной среды. Однако даже несмотря на то, что от 84,9 до 97,5% иммигрантов, прибывших в США с 1846 по 1939 г., происходили из

Европы [14, table 1.4, p. 7], многим американцам сложившиеся к началу XX в. тенденции не могли не внушать опасений.

Во-первых, сами по себе масштабы иммиграции стали казаться угрожающими. Среднее ежегодное количество приезжающих увеличилось с 14 тыс. человек в 20-е годы XIX в. до 260 тыс. человек в 50-е, достигнув к 1905-1910 гг. 1 млн. - показателя непревзойденного вплоть до 90-х годов XX столетия [15, p. 34; 16, p. 4-7]. С 1880 по 1920 гг. доля американцев, родившихся за пределами страны, колебалась вблизи рекордных значений - от 13,1 до 14,7% общего населения [6, table 4.2, p. 156]. В эти годы даже без учета их прямых потомков иммигранты обеспечивали более 40% прироста населения США [14, p. 94]. К 1910 г. около 75% жителей Нью-Йорка, Чикаго, Кливленда и Бостона были иммигрантами или их потомками в первом поколении [17, p. 118]. Во-вторых, появились признаки изменения региональной принадлежности иммигрантов: если в 1821-1890 гг. 82% прибывавших происходили из Западной Европы, и лишь 8% - из стран Центральной, Южной и Восточной Европы, то в 1891-1920 гг. это соотношение составляло уже 25 к 64 [6, p. 199]. Увеличилась и иммиграция из азиатских стран, нараставшая по мере освоения тихоокеанского побережья Америки, что ставило под угрозу идентичность США как страны с преимущественно протестантским населением англо-саксонского происхождения.

Результатом стало оформление иммиграции. Сначала принятый Конгрессом в 1882 г. закон (т.н. Chinese Exclusion Act) запретил легальный въезд на постоянное жительство в США иммигрантам китайского происхождения, затем закон о правилах иммиграции (Immigration Act) 1917 г. распространил это ограничение практически на всех выходцев из азиатских стран. Закон 1921 г. установил временные квоты на въезд из большинства европейских стран, которые три года спустя были значительно снижены и с тех пор не отменялись [14, p. 5, 18—23]. Все эти меры означали переход к качественно новому этапу иммиграционной политики, продолжавшемуся до 70-х годов; если за 1901-1910 гг. в США прибыли 8,8 млн. иммигрантов (что составляло в год 104 человека на 10 тыс. проживавших в стране), то в 1931-1940 гг. эти показатели упали до 528 тыс. (4 человека на 10 тыс. жителей) [18, table 5, p. 10].

Изменения в политике американских властей были определены законом Маккарена-Уолтера от 1952 г., вновь предоставившим квоты азиатским странам, и подтверждены законом Харта-Селлера 1965 г., закрепившим отказ от принципа квотирования и сделавшим акцент на квалификации рабочей силы, а также на гуманитарных соображениях - таких, как воссоединение семей, предоставление политического убежища и защита беженцев. Эти меры привели к тому, что, во-первых, доля инженерно-технических работников среди иммигрантов выросла с 1% в 1900-е до почти 25% в 60-е годы; во-вторых, число прибывающих из европейских стран сократилось, а из стран "третьего" мира - резко выросло [19, p. 536-537]. Если в 50-е годы около 60% легальных иммигрантов прибывали из Европы, то к началу 80-х их доля сократилась до 5% [20, p. 27-28]. Основными поставщиками иммигрантов стали Латинская Америка и страны Карибского бассейна; государства Азии [14, p. 74-75]. В середине 90-х годов среди 10 ведущих стран-доноров уже не было европейских государств; среди них не было также и ни одного государства, имевшего продолжительную демократическую традицию [21, p. 99].

К концу 80-х годов стало очевидно, что новый подход не привел к ожидаемым результатам. Масштабы иммиграции увеличились: в 1995-1999 гг. она обеспечивала 36,2% прироста населения [рассчитано по: 18, table 4, p. 9], что близко к показателям конца XIX - начала XX вв. Однако основная масса переселенцев - выходцы из стран с низким уровнем жизни (ВВП на душу населения в Мексике составляет 30% американского, а в большинстве стран Азии и Карибского бассейна не превосходит 15-20% [22, p. 130]). Здесь нет и не может быть широкого слоя профессионалов; поэтому подавляющее большинство прибывающих было представлено низкоквалифицированными или вообще неквалифицированными работниками [23]. Возникли и новые проблемы, обусловленные отчужденностью иммигрантов от остальных граждан: около 27% иммигрантов, прибывших в США в 90-е годы, не знали английского языка [16, p. 10]; поэтому вполне

объяснимы тенденции к формированию автономных этнонациональных сообществ, особенно значительных в таких крупных городах, как Лос-Анджелес и Нью-Йорк [24]. Согласно официальным данным, в 2000 г. "среднестатистический" белый американец проживал в районе, 83% жителей которого составляли белые; "среднестатистический" представитель национальных меньшинств - в районе, на 77% населенном такими же, как и он, представителями меньшинств [25, р. 4]. При этом к концу 2000 г. в населении 7 из 12 крупнейших городских агломераций - Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Чикаго, Хьюстона, Филадельфии, Сан-Франциско и Вашингтона - белых граждан было менее половины (30,8-49,6%) [рассчитано по: 18, table 35, р. 38]. Иммигранты, составляющие ныне 9,5% жителей США [26, р. 300], используют почти вдвое больше социальных пособий, чем коренные американцы, будучи (и это отмечается все чаще) ответственны за четверть всех совершаемых на территории страны преступлений [27, р. 68-70,142].

Не следует, однако, полагать, что Соединенные Штаты являются сегодня единственной страной, социальный облик которой радикально меняется под воздействием нарастающей иммиграции. Из развитых стран ее последствий не испытывает, пожалуй, только Япония, где доля представителей иных национальностей не превосходит 0,6% населения [28, р. 818]. В последние годы обострилась ситуация в Европе, традиционно служившей источником, а не мишенью, эмиграционных потоков. Это обусловлено, с одной стороны, близостью к очагам перенаселенности на Ближнем Востоке и в Северной Африке при беспрецедентном разрыве в благосостоянии европейцев и населения сопредельных государств (ВВП на душу населения в Северной Африке составляет 8-16% [22, р. 130], а в Восточной Европе - 9-40% [29, р. 354] средневропейского показателя). С другой стороны, в отличие от американской, европейская идентичность основана прежде всего на исторической общности судеб, а не на приверженности определенным идеалам, что существенно ограничивает возможности формирования в Европе общества, способного разделять ценности мультикультурализма.

Исторические тенденции развития иммиграции в европейские страны весьма сходны с американскими, с той лишь разницей, что активному притоку переселенцев из стран "третьего" мира, начавшемуся в 50-е годы, не предшествовал период ассимиляции представителей национальных групп, культурно, исторически и религиозно близких западноевропейцам (вряд ли найдется достаточно сходства между ситуацией в Америке на рубеже XIX-XX вв. и кратковременной волной миграции из стран Южной Европы во Францию, Германию и страны Бенилюкса в 80-е годы [22, р. 103]). Резкое увеличение количества иммигрантов в Европе обусловлено прежде всего распадом колониальных империй и неопределенностью статуса граждан новых независимых государств (например, алжирцы, родившиеся до получения страной независимости, являлись подданными Франции и могли свободно пересекать границы метрополии [30, р. 164-167]), а также экономической миграцией из стран Восточной Европы и Ближнего Востока. Кроме того, в 60-е и 70-е годы европейцы в силу ощутимой нехватки рабочей силы не противодействовали растущей иммиграции [31, р. 218]. Привлечение иностранных рабочих в этот период - логическое продолжение политики поощрения мобильности рабочей силы, инициированной принятыми в 60-е годы решениями о праве граждан любой из стран ЕЭС работать в других входящих в Сообщество государствах [32, р. 44]. Однако это имело те же последствия, что и либерализация иммиграционной политики в США в 60-е годы. Если первоначально доля иммигрантов в совокупной рабочей силе европейских стран превышала их долю в общей численности населения [33, table 7, р. 166-167], то по мере старения первых переселенцев и роста числа детей и иждивенцев в их семьях положение изменилось. К середине 90-х годов в 8 из 12 стран Европейского Союза доля иммигрантов, активно вовлеченных в производительную деятельность, не достигала и 50%; европейцы вынуждены были с сожалением констатировать: "Мы звали работников, но вместо них приехали люди" [34, р. 206-207]. Хотя в Европе, как и в США, иммигранты получают меньшую заработную плату, чем коренное население (в среднем 55—70% [35, р. 87—88]), безработица среди них вдвое превосхо-

дит средний уровень [36, p. 194-195]. В результате, иммигранты в большей степени зависят от социальных пособий и выплат, что усиливает негативное отношение к ним.

К началу 90-х годов масштабы иммиграции в Европе оказались сопоставимы с показателями Соединенных Штатов. Доля лиц, родившихся за пределами страны, в населении ведущих государств ЕС - Германии, Великобритании, Франции, Голландии, Бельгии и Австрии - достигла 8-11% (максимальный показатель для Люксембурга составляет 34%, минимальные - для Испании, Финляндии, Португалии и Италии - 1,3%, 1,4%, 1,7% и 2,0%, соответственно) [33, table 1, p. 161]. Доля иммигрантов в экономически активном населении варьирует между 0,9% в Италии, 1,0% в Испании и Финляндии, 1,3% в Португалии и 8,6% в Германии, 9,9% в Австрии [37, p. 85]. Однако иммигрантское население европейских государств в значительной степени состоит из граждан других стран ЕС, которые после принятия Маастрихтского договора юридически являются гражданами Европейского Союза (по состоянию на 1993 г., их "вклад" в иммиграционные потоки достигал в отдельных европейских странах 40% [38, p. 338]). С учетом этого обстоятельства, 40,8% иностранцев в экономически активном населении Люксембурга превращаются в 4,0%, а средний показатель для ЕС составляет 2,9%, не превышая в Испании, Финляндии, Португалии, Италии и Ирландии 1% [37, p. 85].

Между тем в этих цифрах, которые в США могли бы считаться более чем приемлемыми, находят отражение процессы, ставшие серьезным испытанием для стран Европы. Начиная с середины 80-х годов, европейское общественное мнение склоняется к сокращению потока иммигрантов, что обусловливается трудностями ассимиляции. В Европе они живут еще более обособленными сообществами, чем в США; новые иммигранты направляются в те регионы, где численность их соотечественников и без того весьма велика (так, например, до 80% всех турков, живущих в ЕС, и 76% выходцев из бывшей Югославии проживают в Германии, тогда как 86% тунисцев и по 61% марокканцев и алжирцев - во Франции [39, p. 81]). Это порождает националистические и шовинистические настроения среди местных жителей. Наиболее острой проблемой становится распространение ислама: мусульманское население только во Франции, Германии и Великобритании превышает 10 млн. человек [40, p. 47], количество мечетей и молельных домов выросло в Германии с 3 в 1969 г. до 1,5 тыс. в середине 90-х [20, p. 215].

В конце 80-х годов европейские правительства начали ужесточать иммиграционную политику. В результате за 1991-1993 гг. приток иммигрантов из-за пределов 15 стран ЕС сократился вдвое, с 1,5 млн. до 790 тыс. человек в год [41, p. 30], и достиг 680 тыс. человек в 2000 г. [42, p. A2]; количество лиц, получивших статус беженцев, снизилось на протяжении 90-х годов в 4 раза [32, p. 28]. Реализуя принципы Маастрихтского договора, власти европейских государств предприняли решительные меры, направленные на сокращение нелегальной иммиграции (сегодня общепризнанно, что жизнь нелегальных переселенцев в Европе намного сложнее, чем в Соединенных Штатах [43, p. 29-30]). Хотя в 2000 г. в ЕС прибыло лишь 20 человек на 10 тыс. проживавших [44, p. A1] (в США в 90-е годы этот показатель составил 36 человек [18, table 5, p. 10]), европейские лидеры, как показала встреча в Севилье летом 2002 г., продолжают считать совершенствование методов контроля над иммиграцией одной из приоритетных задач.

И это понятно: система социального обеспечения, поддерживающая приемлемый уровень жизни переселенцев [45, p. 87-89], процессы европейской интеграции, значительно расширяющие политические права мигрантов [46] способствуют складыванию немыслимой в американских условиях ситуации, когда легальные иностранные рабочие не стремятся получить гражданство [43, p. 30]. Интегрирование иммигрантов в европейские общества оказалось затруднено.

Представленная картина дает основание констатировать существенное отличие Европы от Соединенных Штатов в отношении к современным проблемам миграции. США сформировались как союз свободных людей, объединенных определенной целью; напротив, европейские нации-государства сложились на базе исторической традиции, общности происхождения и территории. Американская культура открыта для интеграции в нее новых элементов; европейцы, напротив, дорожат каждым элемен-

том *своей* культуры и стремятся к сохранению ее оригинальности. Радикальное ограничение иммиграции, сколь бы рациональным ни выглядело его обоснование, противоречит универсалистской американской идеологии; европейцы же "никогда не считали себя принадлежащими к иммигрантским странам, как это свойственно американцам", поэтому они не скованы в подобных ограничениях какими бы то ни было рамками. В то же время европейские политики долгое время "опасались критики слева и справа [и] не осмеливались публично обсуждать плюсы и минусы иммиграции" [47, р. 6]. Если в США вокруг этой проблемы идут интенсивные (возможно, даже излишне интенсивные - по словам Д.Д. Сузы, он "неоднократно удивлялся тому, как много разговоров о расизме ему приходилось слышать, и как мало его проявлений отмечал он в реальной жизни" [13, р. 193]) дискуссии, то в Европе эта исключительно важная проблема недопустимо долго замалчивалась.

Результаты известны. Рубеж столетий отмечен небывалым взлетом популярности ультраправых партий во многих европейских странах. С 1995 по 2001 г. резко возрала доля избирателей, поддерживающих эти партии на общенациональных выборах (так, в Дании Датская народная партия получила в 2001 г. почти 14% голосов против 10,5% в 1998-м; в Бельгии Фламандский блок собрал в 1999 г. 16% голосов против 14% в 1995-м; в Швейцарии Швейцарская народная партия обеспечила себе в 1999 г. поддержку 22% избирателей против 16% в 1995-м; Партия свободы в Австрии, собрав в 1999 г. 27% голосов, провела своих представителей в правительство страны [48, р. 30]). В 2002 г. на президентских выборах во Франции лидер Национального фронта Ж.-М. Ле Пен, популярность которого у избирателей возросла с 3,4% в начале 80-х годов до 16,9% голосов, опередив действовавшего премьер-министра, социалиста Л. Жоспена, вышел во второй тур выборов [49, р. 18-22]. Лишь стихийное объединение левых и центристских сил помешало дальнейшим успехам Ж.-М. Ле Пена, потерпевшего во втором туре сокрушительное поражение от Ж. Ширака. В Нидерландах консервативный блок П. Фортайна (убитого менее чем за неделю до всеобщих выборов 2002 г.), выступавший с программой, включавшей в себя требования насильственной интеграции иммигрантов, прекращения практики принятия беженцев и предоставления политического убежища, победил в ряде ключевых регионов страны и сформировал вторую по численности депутатскую фракцию в парламенте [50]. Однако это событие померкло на фоне успеха Ж. Ширака; эйфория по поводу поражения Ж.-М. Ле Пена вряд ли оправдана, т.к. основания для дальнейшего роста влияния националистических сил в Европе отнюдь не исчезли, а готовность демократических сил открыто обсуждать существующие проблемы не стала большей.

Что же следует из этого беглого взгляда на историю миграционных процессов? Мы полагаем, что в новом столетии Западу придется столкнуться с опасным вызовом, порожденным масштабной иммиграцией из стран "третьего" мира. Исторические условия, в которых этот вызов становится реальностью, весьма специфичны.

Во-первых, современный Запад уже не способен к тем формам внешней экспансии, которые были освоены им в предшествующие исторические периоды. С отказом от сохранения (а не распадом) европейских колониальных империй угадана тенденция к массовой эмиграции из развитых стран в направлении "третьего" мира. Важный урок истории заключается в том, что западные социальные порядки не были установлены в тех странах, где выходцы из Европы не составили устойчивого большинства населения [51, с. 42-61]. Они укоренились лишь в тех регионах, которые А. Мэддисон, один из самых оригинальных историков экономики, удачно назвал "пасынками" западной цивилизации (Western offshoots) [52, р. 59-63]. Таким образом, первый из названных в начале статьи типов миграции представляется исчерпавшим свои возможности.

Во-вторых, миграция с периферии к центру, столь хорошо известная прошлым историческим эпохам, обуславливается теперь осознанным индивидуальным выбором

каждого переселенца. Жизнь в условиях чуждой среды он воспринимает как выживание; в этих условиях обе стороны - и мигранты, и коренное население - неизбежно стремятся скорее сохранять собственные традиции, чем усваивать чужие. Таким образом, исчерпывается потенциал и второго типа миграционных процессов.

Следствием становится сегментация западного общества, чреватая его нарастающей неустойчивостью. Жертвы, понесенные в борьбе за формирование наций-государств как стабильной формы, преодолевающей групповой принцип организации общества, могут в современных условиях оказаться если и не напрасными, то, по крайней мере, не вполне оправданными. Сегментированные общества весьма распространены сегодня, но при всем желании их трудно считать прогрессивными. И если Запад смиритесь с идеями мультикультурализма, это, на наш взгляд, будет означать начало упадка современных западных обществ.

Сегодня проявления мультикультурализма нередко воспринимаются как одно из свидетельств прогрессирующей глобализации. США, провозгласившие себя нацией, "определяемой приверженностью принципам... свободы и равенства, и имеющей правительство, которое выражает волю граждан", считают, что привносимое иммиграцией культурное многообразие способствует их прогрессу [20, р. 148]. Тем самым Америка отвергла выстраданное Европой понимание того, что "любое сообщество... имеет полное право определять условия, на которых оно готово принимать иммигрантов, как и право отдавать предпочтение собственным культурным традициям, ценностям и стереотипам" [53, р. 6]. Проблема иммиграции столь важна сегодня именно потому, что в ней заключен гораздо более масштабный вопрос соотношения изменчивости и преемственности, вопрос о том, в какой мере допустимо пренебрегать одним в пользу другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См., напр.: *Merrimann J.* A History of Modern Europe from Renaissance to the Present. NY, L: W.W. Norton & Co., 1996.
2. См.: *Kennedy P.* The Rise and Fall of Great Powers. L: Fontana Press, 1989.
3. *Jones H.W.* A Population Geography. NY: Harper & Row, 1981.
4. См.: *Braudel F.* Civilisation materielle, economie et capitalisme 15^e-18^e siecle. T. 3. Le temps du monde. P: Armand Colin, 1979.
5. Подробнее см.: *Butler J.* Becoming America: The Revolution Before 1776. Cambridge (Ma.), L: Harvard Univ. Press, 2000.
6. *Haines MR.* The Population of the United States, 1790-1920 // The Cambridge Economic History of the United States. Vol. II. The Long Nineteenth Century. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
7. См.: *O'Rourke K.H., Williamson J.G.* Globalization and History. The Evolution of a Nineteenth-Century Atlantic Economy. Cambridge (Ma.), L: MIT Press, 1999. Table 7.2.
8. Цит. по: *Lind M.* The Next American Nation. The New Nationalism and the Fourth American Revolution. NY: Free Press and Simon & Schuster, 1996.
9. См.: *Nugent W.* Crossings. The Great Transatlantic Migrations, 1870-1914. Bloomington, Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1992.
10. См.: *Stalker P.* Workers Without Frontiers. The Impact of Globalization on International Migration. L, Lynne Rienner Publishers, Boulder (Co.), 2000.
11. См.: *Rasmussen H.K.* No Entry. Immigration Policy in Europe. Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 1997.
12. Подробнее см.: *Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С.* Возвращение Европы. Штрихи к портрету Старого Света в новом столетии. М: Интердиалект+, 2002.
13. *D'Souza D.* What's So Great About America. Washington (DC): Regnery Publishing Inc., 2002.
14. См.: *Daniels R., Graham O.L.* Debating American Immigration: 1882 - Present. Lanhan (NC), Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2001.
15. См.: *Dent H.S., Jr.* The Roaring 2000s. NY: Simon & Schuster, 1998.
16. См.: Survey "The United States" // The Economist. 2000, March 11-17.
17. См.: *Rosendorf N M.* Social and Cultural Globalization: Concepts, History, and America's Role // Governance in a Globalizing World / Ed. by Nye J.S. Jr., Donahue J.D. Washington (DC): Brookings Institution Press, 2000.

18. См.: Statistical Abstract of the United States 2001. Washington (DC): U.S. Census Bureau, 2001.
19. См.: *Easterlin E.A.* Twentieth-Century American Population Growth // The Cambridge Economic History of the United States. Vol. III. The Twentieth Century. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
20. См.: *Joppke C.* Immigration and the Nation-State. The United States, Germany and Great Britain. Oxford, NY: Oxford Univ. Press, 1999.
21. См.: *Lister M.* The European Union and the South. Relations with Developing Countries. L., NY: Routledge, 1997. Table 3.4.
22. См.: *Faini R.* European Migration Policies in American Perspective // Transatlantic Economic Relations in the Post-ColdWar Era / Ed. by Eichengreen B. NY: Council on Foreign Relations Press, 1998.
23. См.: *French M.* U.S. Economic History Since 1945. Manchester: Manchester Univ. Press, 1997, p. 10; подробнее см.: The Economist. 2001, March 17-23. P. 53-54.
24. См., напр.: *Greenberg S.H.* The New New York // Newsweek. 2001, August 6. P. 45-47; подробнее см.: *Linstone H.A., Mitroff I.I.* The Challenge of the 21st Century: Managing Technology and Yourself in a Shrinking World. Albany (NY): State Univ. of New York Press, 1994. P. 136.
25. См.: A Nation of Many Millions... of Divisions // Newsweek. 2001, April 16.
26. См.: The New York Times Almanac. 2002. NY: Penguin Reference Books, 2002.
27. См.: *Buchanan P.J.* The Death of the West. How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Our Civilization. NY: St. Martin's Press, 2002.
28. См.: The World Almanac and the Book of Facts. 2002. Mahwah (NJ): World Almanac Books, 2001.
29. См.: *Swann D.* The Economics of Europe. From Common Market to European Union. L: Penguin Books, 2000.
30. Подробнее см.: *Weil P.* La France et ses etrangers. L'aventure d'une politique de l'immigration de 1938 a nos jours. P: Gallimard, 1995.
31. См.: *MacMaster N.* Racism in Europe, 1870-2000. Houndmill, NY: Palgrave, 2001.
32. См.: *Geddes A.* Immigration and European Integration: Towards Fortress Europe? Manchester: Manchester Univ. Press, 2000.
33. См.: *Sassen S.* Guests and Aliens. NY: New Press, 1999.
34. См.: *Edye D., Lintner V.* Contemporary Europe: Economics, Politics and Society. L, NY: Prentice Hall, 1996. Tables 7.2.
35. См.: *Pierson Ch.* Beyond the Welfare State? Cambridge: Polity, 1991.
36. См.: France, portrait social 2000-2001. P: Institut national de la statistique et des etudes economiques (INSEE), 2000.
37. См.: Tableaux de l'economie francaise 2000-2001. P: Institut national de la statistique et des etudes economiques (INSEE), 2001.
38. См.: *Jovanovic M.N.* European Economic Integration. Limits and Prospects. L, NY: Routledge, 1997. Table 10.1.
39. См.: *Sassen S.* Losing Control? Sovereignty in the Age of Information. NY: Columbia University Press, 1996.
40. См.: *Le Quesne N.* Islam in Europe: A Changing Faith // Time. 2001, December 24.
41. См.: The Economist. 1997, April 5-11.
42. См.: *Mitchener B.* Prodi Says Fear Of Immigration Is Overblown // The Wall Street Journal Europe. 2002, June 19.
43. См.: *Dickey Ch., Marais S., Vlahou T., Roman M. et al.* In the Shadows // Newsweek. 2001, August 13.
44. См.: *Mitchener B.* EU Plans Single Immigration Policy // The Wall Street Journal Europe. 2002, June 26.
45. См.: *Meehan E.* Citizenship and the European Community. L, Thousand Oaks (Ca.): Sage Publications, 1993.
46. О конкретных мерах, принимаемых в этом отношении в ЕС, см.: *Koslowski R.* Migrants and Citizens. Demographic Change in the European State System. Ithaca (NY), L: Cornell Univ. Press, 2000. P. 4-5; *Kostakopoulou T.* Invisible Citizens? // Citizenship and Governance in the European Union / Ed. by Bellamy R., Warleigh A. L, NY: Continuum, 2001. P. 192-193, и др.
47. *Mazover M.* A New Nationalism // Financial Times. 2002, May 11-12.
48. См.: The Economist. 2002, April 27 - May 3.
49. См.: *McGuire S.* The Fear Factor // Newsweek. 2002, May 6.
50. См.: *Cramb G.* Devout Calvinist Who Must Court Fortyun's Malcontents. P. 30; *Reed S.* Murder in the Netherlands // Business Week. European edition, 2002, May 20. P. 24-28.

51. См.: *Иноземцев В Л.* "Вечные ценности" в меняющемся мире. Демократия и гражданское общество в новом столетии // *Свободная мысль-XXI*. 2001, № 8.
52. См., напр.: *Maddison A.* *Monitoring the World Economy 1820-1992*. P: OECD Development Centre, 1995.
53. *Pfaff W.* *Immigrants Have to Agree to Fit In* // *International Herald Tribune*. 2002, May 16.